

К.Н. Балтабаева*

K.N. Baltabayeva*

**Судьба репрессированной
казахской семьи из Ойротии****The Fate of the Repressed
Kazakh Family from Oyrotiya**

DOI: 10.31518/2618-9100-2020-5-9

DOI: 10.31518/2618-9100-2020-5-9

УДК 94 (=512.122) (571.151)

Выходные данные для цитирования:

How to cite:

Балтабаева К.Н. Судьба репрессированной казахской семьи из Ойротии // Исторический курьер. 2020. № 5 (13). С. 109–122. URL: <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-5-09.pdf>

Baltabayeva K.N. The Fate of the Repressed Kazakh Family from Oyrotiya // Historical Courier, 2020, No. 5 (13), pp. 109–122. [Available online:] <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-5-09.pdf>

Abstract. The article shows the consequences for the descendants of a large Kazakh family of psychological trauma resulting from forced collectivization and political repression. The article analyzes the memoirs of a famous public figure of the Kazakh community in the Republic of Altai of the Russian Federation, economist, historian Pioneer Sultanovich Mukhtasyrov (27.02.1937), whose family in the 1930-ies suffered from political repression. P.S. Mukhtasyrov is grandson of Mukhtasyr Dalembayev, the son of Sultan Mukhtasyrov and the brother of Kusan Mukhtasyrov groundlessly repressed as “enemies of the people”. Mukhtasyr Dalembayev, a member of the Eikhe collective farm of the Kosh-Agach district of the Oyrot Autonomous oblast, was shot on October 2, 1937. Two of his sons, Sultan and Kusan, representatives of management and economic personnel and local administration, were sentenced to 10 years in prison. Sultan died in custody in 1943 and Kusan went missing. Memories are compared to official response the family received from the Federal Security service of Russian Federation in the Republic of Altai and the Altai regional court, as well as information from the Museum of History of the Kazakhs of the Altai (the village Zhana-Aul of the Kosh-Agach district of Altai Republic). The article shows how the Kazakh system of tribal relations contributed to the preservation of the family. The high adaptability inherent in the nomadic way of life was transformed into forced conformist behavior with respect to the Soviet government. The author illustrates the combination of the ethnic component, internationalism and “Sovietism” in the minds of representatives of a nomadic ethnic group.

Keywords: The Chuya steppe; Oyrotiya; Kosh-Agach; Kazakhs; repression; children of “enemies of the people”; trauma; rehabilitation; ego-document.

The article has been received by the editor on 04.07.2020.

Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье показаны последствия для потомков многодетной казахской семьи психологической травмы, полученной вследствие насильственной коллективизации и политических репрессий. Анализируются воспоминания экономиста и краеведа, известного общественного деятеля казахской общины Республики Алтай, Пионера Султановича Мухтасырова (27.02.1937 г.р.), семья которого в 1930-е гг. пострадала от политических репрессий. П.С. Мухтасыров – внук Мухтасыра Далембаева, сын Султана Мухтасырова и брат Кусана Мухтасырова, необоснованно репрессированных как «враги народа». Мухтасыр Далембаев – член колхоза им. Эйхе Кош-Агачского района Ойротской автономной области, был расстрелян 2 октября 1937 г. Два его сына, Султан и Кусан – представители управленческо-

* **Балтабаева Кулгазира Нурановна**, кандидат исторических наук, Ассоциация выпускников Казахского национального университета им. аль-Фараби, Алматы, Республика Казахстан, e-mail: kulgaziranuranovna@gmail.com

Baltabayeva Kulgazira N., Candidate of Historical Sciences, Alumni Association of the al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan, e-mail: kulgaziranuranovna@gmail.com

хозяйственных кадров и местной администрации, были осуждены на 10 лет тюремного заключения. Султан умер в заключении в 1943 г., а Кусан пропал без вести. Воспоминания сопоставляются с официальными ответами на запросы семьи, полученными из УФСБ РФ по Республике Алтай и Алтайского краевого суда, а также информацией из Музея истории казахов Алтая (с. Жана-Аул, Кош-Агачский район Республики Алтай). Показано, как казахская система родоплеменных отношений способствовала сохранению семьи. Высокая способность к адаптации, заложенная кочевым образом жизни, трансформировалась в вынужденное приспособленчество к Советской власти. Автор иллюстрирует сочетание в сознании представителей кочевого этноса этнического компонента, интернационализма и «советскости».

Ключевые слова: Чуйская степь; Ойротия; Кош-Агач; казахи; репрессии; дети «врагов народа»; травма; реабилитация; эго-документ.

Рис. 1. Пионер Султанович Мухтасыров.

Для конкретного человека понятие судьбы вовсе не отвлеченная метафизическая субстанция. Это «реальная» категория, которую можно заново воссоздать и эмоционально пережить на примере жизни конкретной семьи, или отдельных ее членов. Наш собеседник Пионер Султанович Мухтасыров – гражданин Российской Федерации, с декабря 2014 г. постоянно проживает с супругой Замзам в селе Чапаево Илийского района Алматинской области Республики Казахстан. Именно сюда, на историческую родину переехал из Кош-Агачского района Республики Алтай его единственный сын и наследник Ерболат (1962 г.р.) с семьей. Дочери Галия, Назымгуль, Гульсанат живут в Республике Алтай. Дочь Толганай – кандидат педагогических наук, гражданка Казахстана, работает в г. Нур-Султане.

Впервые наше знакомство состоялось в 2015 г. в офисе Всемирной ассоциации казахов. Тогда в Алматы мною со слов респондента были сделаны первые записи о нем и его семье. Дальнейшее общение с Пионером Султановичем лишь укрепляло мое видение, что личная его биография и история семьи перекликается с общественно-значимым в контексте исторического развития страны как в советский, так и постсоветский период. Уточнение

рассказа проходило с зимы 2020 г. по мобильному телефону в условиях жесткого карантина из-за коронавируса. Встреча, назначенная мне на 28 мая, была вновь отменена из-за усиления режима карантина в Алматинской области и городе Алматы.

Как и многие представители старшего поколения казахов, П.С. Мухтасыров отлично знает историю своего края, семьи и свою родословную, которая передается по мужской линии. Для понимания его рассказа следует помнить, что у казахов нет понятий племянник/племянница, дядя/тетя. «Аға» – это и родной и двоюродный брат, и дядя. Соответственно «Апа» – и сестра, и тетя. Свой рассказ он начал так: «Мой прадед Далембай Еженбайулы из племени Найман рода Каракерей в 1870–1880 годах был в числе первых, кто откочевал из волости Шынгыстай, что в Восточном Казахстане, в пустынную Чуйскую степь, и обосновался в Каратале. В 1883 году в Горном Алтае родился Мухтасыр. У него было два брата: Макаш и Макажан и три сестры: Суйбала, Шоша и Тайке. Вся их жизнь прошла в Чуйской степи. Макажан погиб вскоре после женитьбы, упав с лошади. Его вдова Кайыржан по

традиции аменгерства (левирата. – К. Б.) осталась в новой семье и стала супругой Мухтасыра. В этот же год Мухтасыр женился на Биганше, сосватанной своей невесте, за которую уже был отдан калым (выкуп. – К. Б.). В 1912 году от байбише (старшей супруги. – К. Б.) Кайыржан родился Султан, мой отец».

В конце 20-х гг. прошлого века Ойротская автономная область (Горный Алтай) была отсталой национальной окраиной, которая имела внешнюю границу с Алтайским округом провинции Синьцзянь Китайской Республики (КНР с 1949 г.) и Монгольской Народной Республикой, следовавшей во всем за СССР. Кочевой и полукочевой казахский аул в России, как и, впрочем, в Казахстане и Монголии, был втянут в модернизационные процессы, насильственное оседание скотоводов и коллективизацию. Недовольных такой политикой сначала брали на учет, пресекали откочевку в Китай, где сохранялся традиционный образ жизни кочевников, облагали налогами, лишали избирательного права, организовывали кампанию травли зажиточных, а потом и расправлялись без суда и следствия. Индустриализация в Советском Союзе задала быстрый темп жестким мерам по раскрестьяниванию, хотя собственно в Горном Алтае она началась позже, лишь в предвоенные годы¹.

Мухтасыр Далембаев крепко стоял на ногах, рачительно вел свое хозяйство. Он был грамотным среди казахов Кош-Агачского аймака (района), стал отцом 12 детей и старался дать им образование. У него было семь сыновей: Султан, Аллаберген, Пиян, Кусан, Укмет, Аманжол и пять дочерей: Алтынай, Булбул, Булгын, Кумисай и Каньшай. Трех сыновей он женил и выделил отдельным домом. Все жили в Актале, образуя аул родственников. Отец большого семейства стал членом колхоза им. Эйхе. Но и это его не спасло от репрессии. В возрасте 54 года он был арестован.

В документе о нем сказано: «ДАЛЕМБАЕВ Мухтасыр, род. в 1883 г., с. Тархата. Казах. Грамотный. Колхозник колхоза им. Эйхе. Арестован 03.09.37 г. Расстрелян 03.10.37 г.»² Как следует из справки УФСБ РФ от 8 июля 1996 г. Мухтасыр Далембаев был осужден тройкой УНКВД Алтайского края 20 сентября 1937 г. к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение в г. Ойрот-Туре (г. Горно-Алтайск с 1948 г.). Однако дата расстрела в справке другая – 2 октября 1937 г., нежели в первом томе Книги памяти. Две супруги, 12 детей и пять внуков с матерями оплакивали его раннюю смерть.

Политические репрессии в Горном Алтае фактически начались с приходом власти Советов. Мухтасыр Далембаев был одним из 157 расстрелянных казахов края за период с 1920 г. по 1938 г. Из материалов трех изданий³ «Книга памяти жертв политических репрессий в Республике Алтай» следует, что в 1920 г. был расстрелян первый казах – священник Потопий Самойлович Серебренников из с. Черный Ануй Усть-Канского района⁴, через восемь лет – второй священник Ексекустодиан Прокопьевич Тактаев⁵, в 1930 г. – 12 казахов, в 1931 г. – 21, в 1937 г. – 93, в 1938 г. – 27 казахов. По нашим подсчетам, жителями Кош-Агачского района были 133 расстрелянных казаха (84,7 %), 15 человек проживали в Усть-Канском районе (9,6 %), 7 человек – в Усть-Коксинском районе (4,5 %) и два казаха были городскими жителями (1,2 %) из Ойрот-Туры. Большинство приговоров о расстреле (60 %) были приняты по решению тройки ПП ОГПУ именно в 1937 г. Карательные органы апробировали упрощенный и ускоренный механизм принятия обвинительного решения. Особенно ими широко практиковалась ссылка на расширенную статью 58 Уголовного Кодекса РСФСР при вынесении приговора о расстреле – «высшей мере социальной защиты».

История отцов, оказавшихся в концлагерях или расстрелянных, повлияла на судьбы их детей. Близкие родственники, как правило, попадали под жернова репрессий сразу после

¹ Демидов В.А. Переход алтайцев на оседлость. Барнаул, 1968. С. 95.

² Книга памяти жертв политических репрессий в Республике Алтай / сост. П.И. Чепкин. Горно-Алтайск, 1996. Т. I. С. 63.

³ Книга памяти жертв политических репрессий в Республике Алтай... 1998. Т. II.

⁴ Книга памяти жертв политических репрессий в Республике Алтай... 2003. Т. III. С. 128.

⁵ Книга памяти жертв политических репрессий в Республике Алтай... 2003. Т. III. С. 163.

ареста главы семьи. Так, в один день, 4 ноября 1937 г. были арестованы два сына Мухтасыра Далембаева. Старший Султан, комсомолец, работал председателем правления Казахского сельского совета⁶, а Кусан – счетоводом колхоза им. Эйхе⁷. Хотя грамотные молодые люди в национальных окраинах ценились на вес золота, но запущенная карательная машина никого не щадила. Трудоспособные мужчины нужны были в качестве бесплатной рабочей силы в решении задач индустриализации страны. 19-летний Кусан, вдовец с годовалым ребенком на руках, безжалостно был осужден на длительный срок – 10 лет. Как следует из справки Алтайского краевого суда от 13 ноября 1995 г. такой же срок получил 29 ноября 1937 г. и его старший брат по статье 58, п. 2 (вооруженное восстание), 11 (организованная контрреволюционная деятельность) Уголовного Кодекса РСФСР с поражением в правах на пять лет. У Султана остались супруга Камалия (25 лет) на пятом месяце беременности и трое сыновей дошкольного возраста – Октябрь (6 лет), Жанажол (3 года) и Стахан (2 года).

Новые мотивы имянаречения. Традиционно в казахских семьях имена внукам давал дед по отцовской линии. «Имя «Октябрь» олицетворяло социалистическую революцию. Ее идеи должны были по замыслу коммунистов повести народ по новому пути. На казахском языке словосочетание «новый путь» стало именем человека «Жанажол». Впрочем, так называлась в Ойротской автономной области и местная газета на казахском языке. Фамилия донецкого шахтера Стаханова стала символом нового отношения к труду, состязательности за высокие показатели. Так у казахов на Алтае появилось и имя «Стахан».

Из тюрьмы, из Свердловской области, Султан Мухтасыров прислал супруге Камалии (Кэмэн) письмо, в котором дал родившемуся 27 февраля 1938 г. четвертому сыну имя – Пионер. Но отцу и сыну не суждено будет встретиться в этом мире. В 1943 г. бабушка Кайыржан прискакала на лошади на жайлау (летовка) в Шубарбуту и с душераздирающими причитаниями оповестила невестку о смерти Султана на Урале. Родные громко оплакивали умершего, могила которого осталась неизвестна близким. Так в памяти пятилетнего Пионера запечатлелась эта картина.

Илья Жаканов – известный композитор Казахстана в своей командировке в Кош-Агачский район в июле 1990 г. при знакомстве с П.С. Мухтасыровым, которому тогда было за 50 лет, с улыбкой и удивлением воспринял имя своего ровесника. На что Пионер бойко ответил гостю: «А почему вас, несмотря на то, что вы родились в Казахстане, на своей родной земле, в отличие от меня, назвали Ильей»? И тогда композитор поведал, что он пошел в первый класс вообще-то с именем Ленин. Учительница отправила ребенка домой с требованием изменить имя. Его родители, не долго думая, предложили новое имя – Илья. Так звали отца Ленина.

Казахи демонстрировали поведенческий комплекс верующего в справедливую власть. «Даже именами своих детей казахи хотели подчеркнуть лояльность Советам, национальной политике и дружбе народов. Не побоюсь сказать, это было своего рода приспособленчество». Действительно, просматривая списки репрессированных по Кош-Агачскому району, где компактно проживала основная часть казахов Ойротской автономной области, мы читаем, кроме вышеперечисленных имен, новые имена детей казахов, рожденных в советское время, такие как: Союз, Совет, Октябрина, Колхоз, Фронт, Огонь, Кавказ, Ойрат, Карл, Тельман, Маркс, Лев, Лёня, Коля, Клара. И эти имена были своего рода модные и далеко не единичные в национальной среде. Взрослые чутко реагировали на изменения, происходящие в обществе. Это был их сознательный и рациональный выбор. Случайности в выборе таких имен не могло быть.

Жизнь в зоне вечной мерзлоты. Кош-Агачский район расположен в межгорной котловине на высоте почти полторы тысячи метров над уровнем моря и приравнен в России к районам Крайнего Севера. В Чуйской степи условия жизни были крайне суровые, и женщине без мужской помощи вести одно хозяйство и прожить с малолетними детьми

⁶ Книга памяти жертв политических репрессий в Республике Алтай... 1996. Т. I. С. 76.

⁷ Там же. С. 75.

было чрезвычайно сложно. Скотоводство – труд невероятно тяжелый вне зависимости от времени года. Климат здесь резко-континентальный, а зима длится более семи месяцев. В своем рассказе Пионер Султанович с благодарностью говорит о разносторонней помощи родственников.

«В 1942 году нашу мать с тремя сыновьями перевезли в горы, на зимовку Кенгирбай, чтобы она освоила работу помощника чабана колхозного стада под руководством аксакала (уважаемого старца. – К. Б.) Нуримана. Отец Нуримана приходился родным братом отцу Мухтасыра. В 1916 году Нуриман с братом и сестрами откочевал из Катон-Карагая в Китай, где прожил четыре года. В 1920 году мой дед Мухтасыр получил известие, что его брат Нуриман возвращается из Синьцзяна через Монголию, поэтому он выслал подводу для встречи и приютил своих родственников в Чуйской степи».

В конце 30-х гг. прошлого века, в экстремальных условиях жизни в стойбищах, затерявшихся высоко в горах, без сыновей и мужей остались морально подавленные матери, вдовы, беременные женщины. Причем многие семьи были многодетными. «Советская власть рассчитывала, что одинокие женщины и дети-сироты просто не выживут. Женщины были вынуждены спасать от голода и холода своих и чужих детей, пожилых родителей. Кости погибших в горах от голода людей, или беженцев в Китай, ставших на горных перевалах пищей для собак и пернатых хищников, были грозным предостережением судьбы».

«Наша мать стала ночным сторожем, а днем с детьми пасла колхозное стадо. Дети животноводов рано взрослеют, становясь помощниками по хозяйству. Секреты чабанской профессии дедушка Нуриман передавал своей невестке. После кончины своей супруги он отходит от дела. Поэтому в 46-м мать переводят в центральную усадьбу колхоза, под предлогом того, что одинокая женщина не сможет организовать зимовку и сохранность колхозного скота в горах, да и дети школьного возраста не охвачены учебой. Она строила планы, что устроится в школу кочегаром. Пока ею был сдан колхозный скот и устроена семья на новом месте, наступил конец октября. Школа оказалась закрытой, в народе свирепствовал тиф. Сестра Кумисай, услышав о нашем тяжелом положении, организовала переезд в Кош-Агач. С ней уже жили бабушка Кайыржан и брат Октябрь. Сестра была мастерицей по пошиву верхней одежды. Тогда в комендатуре проходили военную службу около 600 солдат. Большинство офицеров жили с семьями. Для жен офицеров Кумисай шила добротные дохи из меха сурка. К этой работе и была привлечена мать. Бабушка шила для мужчин и женщин красивые меховые шапки из лисицы и сурка. Благодаря знакомству с такими заказчицами, братья тоже получили работу. Они стали заготавливать дрова для семей офицеров. Валили лес, собирали, кололи, складировали дрова в устойчивую поленницу. Я был рядом с ними и домой забирал продукты, которые выдавали супруги офицеров за работу (картофель, хлеб, крупы), в том числе и остатки их еды со стола. Комендатура была огорожена железной сеткой. На входе стоял караул и без пропуска невозможно было зайти. Сестра и с пропуском помогла. Так прошло несколько месяцев. В это же время рядом с нами жили земляки, положение которых было еще хуже. Когда мы своим трудом зарабатывали на пропитание в комендатуре, то за ее пределами ходили голодные дети, которые вместе с бродячими собаками подбирали объедки, кости, кожуру картофеля. В марте 1947 года мы переехали в Жумалы для пастьбы отар комендатуры. Жумалы относился к подсобному хозяйству в Калгуте и находился в 80–90 километрах от Кош-Агача. На этот раз Октябрь, по настоянию матери, поехал вместе с нами. Только тогда я узнал, что он мне доводится родным старшим братом. Согласно казахскому обычаю, Октябрь рос в семье деда Мухтасыра и свою родную мать Камалию называл по имени. Теперь мы все были на его иждивении. Нас радовало, что в отличие от колхоза за пастьбу государственного скота давали заработную плату. Нам было разрешено делать заготовку мяса на зиму (соғым). То, что ели солдаты, перепадало и нам. При демобилизации солдаты возвращались домой в новой форме, поэтому они бесплатно раздавали свои старые шинели, рубашки, брюки, сапоги, шапки и фуражки. Мать перешивала нам военную форму. Мы и действительно стали похожи на молодых солдат. Подсобное хозяйство комендатуры находи-

лось и в Аргамджи. Около трех тысяч овец имел отряд, поэтому пять-шесть семей, в том числе и наша семья, привлекались для обслуживания хозяйства комендатуры. В год, когда мы переехали уже в Калгуты, зиму мы провели на зимовке Пионер аксакала Садена. Жители Калгуты в то время были, можно сказать, сытыми, законы Советской власти здесь не действовали. Это был своего рода ареал Свободы. К переезду в Калгуту с горем пополам Октябрь окончил четыре класса».

С большим пиететом дети Мухтасыровых относились не только к своей матери, но и женщинам аула. Они были свидетелями, как каждая из матерей в трудные годы смогла сохранить семейный очаг, прилагая титанические усилия и жертвуя многим ради детей. Для женщин превыше всего был материнский долг. В рассказе Пионера Султановича очень часто используются слова: «слезы не высохали на глазах наших матерей», «в тоске, одиночестве и причитаниях проходила их жизнь», «вдовство, сиротство детей и внуков стали спутниками жизни». «Если выпадала возможность раз в месяц или даже в год встретиться женщинам, тогда они выговаривались, вспоминая былое время, расплетая свою ноющую боль в сердце, и, казалось, становится легче непосильная ноша их судьбы. Книга памяти жертв политических репрессий напоминает нам о горьком плаче детей-сирот и стонах вдов, в миг потерявших счастье и надежду».

Первый раз в первый класс. Самое близкое к Калгуте село – это Джазатор. По горной тропе на лошадях и верблюдах надо было преодолеть до 90 километров с ночевкой в пути. Село Джазатор тоже было весьма удалено от цивилизации, до районного центра Кош-Агач – 140 километров, но всего 60 километров отделяли его от Монголии, Китая и Казахстана. Названные населенные пункты в 1930 г. отошли к Ойротии от Казахской АССР, которая тоже была в составе РСФСР. В Калгуту не доходили письма, народ здесь газеты не читал, новости жители узнавали от сборщиков налогов, да и от скитальцев, которые разыскивали без вести пропавших родственников. Хотя в Советском Союзе обязательное начальное обучение было введено еще в 1930 г., однако в течение почти 20 лет оно не стало всеобщим в национальных районах, в первую очередь, для детей животноводов в возрасте от 8 до 10 лет. Среди самого населения, забитого горем от репрессий и нуждой от коллективизации, преобладало индифферентное отношение к школе.

«В августе 1949 года в Калгуте произошло событие, которое взволновало все население. В село с сопровождающим приехал Токен Оспанов – директор семилетней школы из Джазатора, направленный на работу из Казахской ССР. Состоялось бурное собрание жителей с детьми, на котором был поставлен вопрос о направлении детей с восьмилетнего возраста в интернат. Для родителей отпустить детей было равнозначно тому, чтобы оставить скот без присмотра и семью без рабочих рук. Директор одним своим глазом как бы просверлил тело и думы каждого присутствовавшего на собрании. Выслушав доводы, он разъяснил закон и суровую ответственность за его неисполнение. Так под нажимом был составлен заверенными подписями список из 13 детей, самому старшему из которых было уже семнадцать лет. В срок до 15 сентября дети должны быть доставлены в интернат. Жанажол и Стахан учились урывками несколько месяцев в году, пока семья переезжала в горы, перегоняя скот. Если за три года они учились в среднем по два месяца, так и одного года не набиралось. Я вообще никогда и не видел даже здание школы. Никто и не думал об учебе, все мысли были заняты скотом, как его сохранить без потерь. Рано мы, дети, поняли, что наше благополучие и даже сама жизнь связана со скотом».

Отношение казахов к скоту было всегда очень бережным, как к единственному источнику жизнеобеспечения. При любых обстоятельствах казахское приветствие в степи начиналось со слов «Мал-жан аман ба?», что означает «Здоров ли твой скот?». Удивительно, как память человека может извлекать то, что кажется уже таким далеким.

«День и ночь наша мать штопала старую одежду, перешивала солдатские вещи, рассчитывая обеспечить сыновей на семь-восемь месяцев учебы. 10 сентября 1949 года все население Калгуты вышло провожать детей в интернат. Мы были усажены на верблюдов по два человека. Ночевали в пути и только на следующий день, под вечер, усталые с дороги

появились в интернате. Среди встречавших были учащиеся, учителя и другие взрослые. Нас выстроили по росту. На вопрос: «Кто пойдет в первый класс?» шаг вперед сделали все одиннадцать детей и сразу дружно раздался громкий смех чужих людей. Мы растерялись. Мы все были одеты плохо, в старую одежду чужих людей. «Они больше похожи на солдат!», «Как они поместятся за партами?», «Лучше бы скот пасли дома» – такие голоса со смехом раздавались из толпы. Брату Жанажолу шел шестнадцатый год, он пошел в первый класс, как и Стахан. Я сам сел к ученикам второго класса и занимался в одной комнате с четвертым классом. Спали на двухъярусных нарах, в подушке – сено, укрывались тонким одеялом и поверх него раскладывали свою одежду, чтобы как-то согреться. Скучая по матери, всю ночь я обнимал Жанажолу. Так в двенадцать лет с большим усердием и прилежанием окончил второй класс и вдали от матери со слезами на глазах оторвался наконец-то от ее груди. А два старших брата окончили первый класс и больше порога школы в своей жизни не переступали. В Калгуту обратно нас забрал Октябрь на лошадях».

Клановая (родовая) сплоченность и взаимопомощь. Летние каникулы детей школьного возраста были временем их активного участия в домашнем хозяйстве. Пионер пас отару соседки, будущей сватьи матери.

«На следующий учебный год в школу вернулись только четверо. Никто уже не ждал в интернате и с большим трудом в селе нам нашли ночлег. Но на следующий день нас обратно отправили на верблюдах в Калгуту, так как интернат не располагал дополнительным питанием. Когда я вернулся домой не солоно хлебавши, мать горько плакала вместе со мной, но отговаривая от учебы. «Умрешь с голоду среди чужих» – таков был ее аргумент. Но в одно утро я увидел ее за швейной машинкой. Шубу отца из горного козла она перешивала теперь для меня. Со слезами на глазах мать дала свое благословение. Но у кого можно было бы остановиться на время учебы в Кош-Агаче? Мы вместе перебрали весь список родственников и не нашли таковых. Все жили стесненно. Тогда наш выбор пал на нагаши».

Нагаши – это совокупное название всех родственников со стороны матери и по неписанному степному праву «жиен» (ребенок женщины по отношению к ее родственникам) имел исключительное право рассчитывать на материальную и моральную помощь, различные подарки. В следующих рассказах Пионера Султановича мы наблюдаем реальную помощь нагаши своему жиену.

«15 октября 1950 года я выехал на машине погранзаставы Аргамджи в Кош-Агач. Там мне ничего не светило и я вынужден был добираться теперь до Актала. Зная тяжелое материальное положение брата матери, поехал к нему с тяжелым сердцем. Нагаши Абит Рустемулы пообещал поговорить с директором интерната, чтобы я ночевал в его семье, но питался в интернате. В ожидании ответа прошла неделя. Удрученный отказом, нагаши посоветовал мне держать путь к сестре Канышай в Кокорю. В начале ноября я добрался до семьи зятя, который работал продавцом. Хотя здесь и не голодали, но было жутко тесно. Сестра скрывала от супруга, что я прибыл в поисках места учебы. 6 ноября, выигрывая в асыки (национальная игра – К. Б.), подрался со школьниками из алтайского интерната. Это был предлог меня выставить обратно. Зять уже на следующий день нашел попутчика и я на чужой лошади покинул Кокорю. При переходе реки Юстыт я упал с лошади в ледяную воду. Мой попутчик, не обращая на мои крики внимание, продолжал свой путь. Мокрого и дрожащего от холода меня подобрала чужая повозка. Через два километра я вышел у дома нагаши Абильгазы, расстрелянного в тридцать седьмом году. В нем вместе жили две его супруги, они меня раздели, разложили постель у печи, голого укутали тулупом. Здесь я отлежался неделю. Женщины привели в порядок мой тулуп и отправили меня к нагаши Абиту Рустемулы. Он посоветовал теперь ехать в Акташ, где жили мои два брата Укмет и Аманжол и две сестры Булгын и Булбул, рожденные второй супругой деда Мухтасыра. Подробно расспрашивая нагаши о своей семье, я узнал, что мой отец Султан – старший сын Мухтасыра и оказывал поддержку родственникам. Его братья Кусан и Аллаберген без вести пропали в сталинских лагерях и на фронтах Великой Отечественной войны. Младший Пилян

жил в семье зятя. Сестру Канышай в Кокоре я уже посещал, а вторая сестра Кумисай была вынуждена покинуть пограничный Кош-Агачский район, так как ее супруг отсидел 10 лет тюрьмы как «враг народа». Теперь они жили в 250 километрах, в центре Онгудайского района. На следующий день сват нагаши забрал меня попутчиком в Кош-Агач. Оттуда на кузове автомашины добрался до поселка Каташ, который был в ста десяти километрах. Сопровождавший меня Ануарбек – знакомый сватов нагаши, привел к своему другу, и я переночевал в русской семье. До Акташа оставалось всего шесть километров. Но эту дорогу по свежему глубокому снегу пешком в воскресный день мы преодолели с большим трудом с семьей Ануарбека с двухлетним ребенком и вещами за семь часов. Братья и сестры встретили меня по-родственному, тепло, хорошо накормили, дали чистую одежду и отправили в баню. 22 ноября 1950 года я стал учеником третьего класса начальной казахской школы в Акташе. Учитель, Касмаран Бакраевич Смагулов оказался мне знакомым по Джазотору. В одной комнате учились 19 детей первого, второго и третьего классов. В их числе был мой старший брат Леш – сын репрессированного Кусана. Учитель делил доску мелом на три части и писал задание каждому классу. У нас кроме бумаги, карандаша, ручки и чернильницы ничего не было. Ни одного учебника! А в конце учебного года было объявлено, что школа переходит на русский язык. Летом еле добрался домой до Калгуты со справкой о том, что я успешно окончил третий класс».

В начале 50-х годов XX в. семилетние школы в Кош-Агачском районе функционировали лишь в селах Актал и Джазотор. Но желающих учиться детей казахов вдали от дома становилось все меньше. Большинство семей не могли обеспечить своих детей элементарной теплой одеждой и обувью, школьными принадлежностями.

«В начале октября 1952 года брат Октябрь привез на лошадях меня, Пияна и земляка Сейиля в Джазотор. Директором школы был уже хорошо знакомый нам Токен Оспанов. Но нас приняли всего на один учебный год. Через два года я был вынужден снова поехать к нагаши, чтобы продолжить учебу. Мне было поставлено условие: помогать по дому и хозяйству, так как взрослые сыновья и дочери были либо призваны в армию, либо вышли замуж. Среди детей этой семьи я стал старшим. Конечно, я на все был согласен. Так, я был зачислен в пятый класс Казахской семилетней школы в Актале. Вскоре Октябрь был призван в Армию, дома остались его супруга с ребенком. Один я провожал брата на службу. В ноябре умерла сестра Канышай в Кокоре и я с родственниками из Актала смог бросить горсть земли в ее могилу. Когда 5 марта 1953 года умер Сталин, мы не учились три дня, мужчины ходили хмурые, а женщины-педагоги плакали. Траурные собрания состоялись в школе, колхозе и сельском совете. В 1953 году я окончил пять классов. Три дня верхом на лошади вместе с милиционерами, добирающимися на вольфрамовый рудник, еле преодолел дорогу из Кош-Агача в сторону Калгуты. В дороге меня кормили милиционеры. Остальные сорок километров надо было идти еще пешком. Первый раз в жизни вдоволь я наелся хлеба лишь в конце седьмого класса. Это было в 1955 году. Тогда и была распущена пограничная застава в Кош-Агаче, свернуто подсобное хозяйство в Калгуте. Закончилась и моя школьная пора вдали от дома».

Всю свою жизнь, опаленную ранним сиротством и безотцовщиной, Пионер Султанович помнит выживание, унижение и тяготы народа, которые с лихвой достались его матери Камалии, братьям и многочисленным родственникам и землякам. «После Султана остались четверо сыновей, которых на ноги подняла мать. У нее не было возможности дать всем образование. Слава Аллаху, мы все нашли свое место в жизни. Жанажол в феврале 1954 года был призван в Армию. Стал мастером по дереву, занимался животноводством, воспитал восемь детей. Большинство из них получило высшее образование. Стахан окончил единственный класс, но руководил складом колхоза, был и продавцом, и водителем, и строителем. Семь его детей получили достойное образование. Старший брат Октябрь женился в восемнадцать лет на прекрасной девушке, которая объединяла всю семью и родственников, и у нас стало три матери: бабушка Кайыржан, наша родная мать Каман и мать невестки Кабиба (Капай). Хотя Октябрь и мало учился, но он стал уважаемым

человеком среди земляков. Более тридцати лет он работал продавцом автолавки. Его работой и обслуживанием были довольны животноводы отдаленных стойбищ. Ему было присвоено звание «Заслуженный работник торговли». Он был делегатом съезда потребительской кооперации в Москве. Вместе с супругой имел одиннадцать детей. Обычно немногословный и сдержанный по характеру, Октябрь, тяжело переживая смерть своего младшего сына Айболата, горько плакал и страдал. Октябрь умер в 1995 году».

Бегство казахов из колхоза. 18 декабря 1941 г. было принято решение Ойротского обкома ВКП(б) «Об организации добычи ртути в области»⁸. Акташский рудник по добыче и возгонке ртути находился на южном склоне Курайского хребта в Кош-Агачском районе. Предприятие пришлось возводить на новом необжитом месте в условиях высокогорья с суровым климатом. Колхозы Кош-Агачского района выделили часть людей и лошадей с повозками для подвозки стройматериалов и руды. Поэтому в связи с начавшейся разработкой рудника казахи с 1942 г. под разными предлогами стали бросать подневольный колхозный труд, который обрекал их на нищету. Они устраивались на шахту, чтобы прокормить свои голодные семьи. К 1949 г. в Актале, где до репрессий жили Мухтасыр Далембаев и его родственники, осталась только одна семья.

«Руками казахи-рабочие извлекали камни, которые погружали на телеги и вывозили из штольни. Металлургический завод был расположен в четырех километрах от месторождения киновари. Ртутная руда доставлялась на завод уже на автомашинах. Здесь камни подвергались обжигу и отделялась металлическая ртуть. Чуйские казахи, не видевшие в жизни ничего кроме скота, только ради сохранения своей жизни, поднимались пешком в горы, где откапывали тяжелые камни, работали печниками примитивных тигельных печей для извлечения ртути, пары которой чрезвычайно ядовиты. Если руководители колхозов искали разные пути недопущения бегства из хозяйства, то начальники же шахт охотно принимали на работу всех желающих. Поэтому за несколько лет в Акташе вырос казахский аул из беглецов. Акташ принимал всех без разбора: негодных к военной службе, демобилизованных из Армии, бывших колхозников, «врагов народа», которые возвращались в родные края после отбытия тюремного заключения. «Хотя и трудная работа, зато ходишь не голодный», – так считало большинство сельчан».

Единственный кавалер. «В 40-е трудные годы среди бежавших из колхоза были сестры и братья Мухтасыровы. Среди них был мой старший брат Леш. Он родился в 1936 году. Когда ему было шесть месяцев, от болезни умирает его мать Кульзига, когда исполнился один год и три месяца, репрессировали его отца Кусана⁹. Круглый сирота был взят на попечение дочерью деда Мухтасыра Канышай из Кокори. Он окончил только три класса, стал знатным шахтером края. За свой труд Леш, единственный из казахов Республики Алтай, был награжден высшей правительственной наградой Советского Союза – орденом Ленина. Долгие годы портрет передовика производства висел в Райисполкоме, он избирался членом Областного Совета депутатов. Настоящее имя орденоносца – Лев, так он был назван в честь русского писателя Льва Николаевича Толстого. Его родители были интеллигентными и образованными

Рис. 2. Кавалер ордена Ленина
Леш Кусанович Мухтасыров.

⁸ Была война... Сборник архивных документов 1941–1945 гг. Горно-Алтайск, 2010. С. 120.

⁹ Леш Кусанович Мухтасыров (17.05.1936–17.04.2016), член КПСС с 1962 г. Кавалер ордена Ленина (20 мая 1966 г.). См.: Аккожанова Е.С. Знатный шахтер Мухтасыров Леш Кусанович – уроженец села Актал // Справка из фонда Музея казахов Алтая получена в Алматы 14.07.2020 г.

людьми. Мать Кульзига – учитель школы, отец Кусан – счетовод колхоза им. Эйхе. Он пропал без вести в сталинских лагерях. Со временем в жизни казахов появилось новое понятие «потомки шахтеров». В 60-е годы Акташ был передан в соседний Улаганский район, и дети казахов продолжали обучение в русской школе. В течение полувека сформировалось новое сообщество «Акташские казахи», которые разговаривают преимущественно на русском языке, в отличие от кош-агачских казахов».

Действительно, владение русским языком в Советском Союзе являлось важным фактором структурирования социокультурного поля и социальной мобильности, поэтому и среди казахов Республики Алтай русский язык все чаще и чаще использовался в качестве доминирующей культурной среды. Как видим на примере судьбы сына репрессированного Кусана Мухтасырова, его родственники проявили взаимную ответственность за потомство рода во имя выживания подрастающего поколения.

Трудовые будни – экзамен всей жизни.

«Июнь 56-го. Я прибыл в Кош-Агач и по направлению райкома комсомола был принят в райпотребсоюз на должность продавца автолавки для обслуживания животноводов девяти колхозов района. На весь район это была единственная авто-

Рис. 3. Ордена и медали Леша Кусановича Мухтасырова.

лавка. Первый рабочий день совпал с праздником День животновода. Увидев перед собой большую и шумную толпу покупателей, я застеснялся, совсем растерялся, аж душа в пятки ушла. Так как не мог еще пользоваться счетами, пришлось письменно, «столбиком», вести расчет. Народ терпеливо ждал и даже помогал. На следующий день на плохом русском языке я держал отчет перед своим наставником Александрой Яковлевной Малетиной. Так для меня начался экзамен жизни. Маршрут автолавки, очередность обслуживания в отдаленных пунктах животноводов, ассортимент товаров определял сам председатель райпотребсоюза. Мой напарник-шофер научил водить машину».

«После окончания трехмесячных курсов меня перевели продавцом в стационарный магазин села Теленгит-Сортогой – центральной усадьбы колхоза «Чапаев». По совету матери, там я разыскал родственников – детей Суюбалы – старшей сестры деда Мухтасыра. Когда ее сына Смагзама в 1937 году отправили в тюрьму как «врага народа», невестка Айтиш осталась с десятью детьми. Все они выжили. Хотя никогда меня не видели, но радушно приняли в свою семью. Я жил у Карабека, который работал заведующим складом. Его брат Катек – заведующий овцеводческой фермой, младший Азан пас верблюдов. Но я потерял это место работы из-за повестки в Армию. Но призывная комиссия дала отрицательное заключение из-за плоскостопия, однако место работы было уже занято».

В богатом колхозе. «Я был направлен продавцом в колхоз Мухор-Тархата. Снова стал вопрос о жилье. С матерью вспомнили, что Зарлыхан Макишжанов – сват нагаши Абита Рустемулы здесь возглавляет интернат. Его супруга Жамбыл была щедрым, гостеприимным и комфортным в общении человеком. Эту семью очень уважал брат матери. И мы не ошиблись в выборе. В колхозе Мухор-Тархата из дерева были возведены школа, интернат, контора и магазин. Остальные постройки были из дерна, смешанного с деревом. Крыши ветхих домов были плоские, без ската. Скотоводы передвигались на верблюдах, доставляя сено тощему скоту и молодняку. В то время еще понятия не имели о комбикормах. Широко практиковалась тебеневка, когда лошади самостоятельно доставали траву из-под снега и льда. Председатель колхоза Казагачев Сергей Семенович предупредил, что дефицитный товар без его согласия не реализовывать и доставку товара проводить самому зимой на

санях. Богатый колхоз располагал всего четырьмя машинами и обслуживал также школу. Вместе с кассиром, которая выдавала заработную плату раз в месяц, посещал на открытой машине и отдаленные точки животноводов. Сельчане не могли привыкнуть, что магазин работает по графику. Они приходили за товаром в любое время суток как им заблагорассудится. Через четыре-пять месяцев получил первую квартиру и перевез мать».

Клановая (родовая) память. «Мать не скрывала свою долгожданную мечту: остаток своей жизни провести рядом со мной. Таков обычай казахов – младший сын наследует шанырак (купол юрты. – К. Б.) и обязан жить с родителями. Радости матери не было конца. В колхозе жили дети ее нагаши Бухара и Букабая, в прошлом известных баев и торговцев не только в Чуйской степи, но и в Казахстане, Монголии и Китае. В годы насильственной коллективизации и голода уцелевшие от репрессий члены их семей переехали в Мухор-Тархату из Тобелера и близлежащие населенные пункты. Жабагы Бухаров был заведующим общеводческой фермой – лучшей фермой в районе. Боштай Букабаев заведовал овцеводческой фермой в колхозе «Кызыл Мааны» («Красное Знамя»). С четырехлетнего возраста Боштай – круглый сирота, смог получить только начальное образование, как и Жабагы. Впервые он встретился с моей матерью в доме Боштая, когда ему было за тридцать, а матери – около пятидесяти лет. Судьба их разбросала в Горном Алтае. Они долго рыдали в крепких объятиях друг друга и никто из родственников не посмел разнять их. Утешением стало лишь присоединение к общему плачу. В первый раз жизни я увидел свою мать в таком состоянии».

Ах эта свадьба, свадьба! Вопреки традициям... В Горно-Алтайске, в середине ноября 1960 г., Пионер, учащийся торгово-кооперативного техникума, к этому времени молодой коммунист, женится на студентке педагогического института, комсомолке Замзам. Казахские обычаи не были соблюдены, не было сватовства, знакомства родителей молодых, калыма (выкупа), обмена подарками. Отец Замзам, ветеран Великой Отечественной войны был главным бухгалтером в колхозе «Им. Ленина», мать – счетовод колхоза во время войны. Оба – коммунисты, ратовали за советский образ жизни. Они мечтали, чтобы дочь получила образование, а потом уже думала о замужестве. В это время во всем районе не было ни одной женщины-казашки не только с высшим, но и со средним специальным образованием. Информация о молодой студенческой семье быстро доходит до парткома.

«Так в наше личное дело вклинивается партийная и комсомольская организации двух учреждений. В выгодном для себя свете партия демонстрировала помощь вдовам и детям-сиротам, молодежи, поддерживая их отказ от национальных традиций. 3 декабря 1960 г., в столовой пединститута была проведена первая в области наша комсомольская свадьба с участием членов совета (делегатов) облпотребсоюза, прибывших в областной центр со всех районов на отчетное собрание по итогам года. Замзам продолжила учебу на заочном отделении, работая учителем математики в Казахской средней школе села Актал. Я стал старшим бухгалтером сельпо, которое двадцать три года назад до репрессии возглавлял мой отец, Султан Мухтасыров. Моя мать была счастлива от такого стечения обстоятельств. Она посылала сватов к родителям Замзам. Но они каждый раз отправляли сватов восвояси и запретили появляться дочери в родительском доме без диплома. Лишь после рождения нашего первого сына Ерболата они простили Замзам и приняли меня как зятя».

Номенклатурная должность с партбилетом и дипломом. «В 1966 году меня назначили главным бухгалтером райпотребсоюза. Это была номенклатурная должность райкома партии. Кандидатуру тогда утверждали на заседании бюро райкома. В начале 70-х годов работал главным экономистом колхоза Мухор-Тархата. Тогда зарплата главного бухгалтера и главного экономиста колхоза была в три раза больше, чем в райпотребсоюзе. Но эта должность требовала диплом о высшем образовании и поэтому я заочно окончил сельскохозяйственный институт, ибо туда принимали производственников со стажем и без экзаменов. В те годы такая практика подготовки кадров, можно сказать, преобладала».

Колхозный хомут. Исторически обречены были советской властью не только «социально чуждые» категории населения, крестьяне-единоличники из числа середняков и бедняков, но

и колхозники. Последние на три десятилетия стали заложниками тоталитарной системы. В 1991 г. никто из рядовых колхозников и их руководителей не выступал против роспуска хозяйств.

«Годами страданий и ада были первые двадцать пять лет существования колхозов. Люди потеряли свободу, превратившись в рабов и слуг системы, созданной коммунистами. Они работали за трудовни и жили в долг, страдая от безысходности. Без документов не принимали не только на работу в городе, но даже внутри одного района, без письменного ходатайства колхозника и разрешения правления колхоза невозможно было перейти в другое хозяйство. И если даже правление принимало положительное решение, вопрос передавался на общее собрание членов колхоза. А такие собрания проводились в год всего один-два раза. Другими словами, если колхозный хомут надел на шею один раз, то снять его было уже практически невозможно».

Тотальный дефицит. «Объезжая животноводов, повсюду видел невероятную бедность, нехватку во всем. Каждое домохозяйство платило государству налог мясом. Дефицитный товар можно было продать только тем, кто сдал государству мясо и яйца. На сданные яйца можно было приобрести эмалированную посуду, но казахи кур не держали. Шесть метров бархата – это один сданный теленок. Одно радовало – не было голода и вовремя поступала мука. Хотя народ был плохо одет и обут, но он терпеливо и с большой надеждой смотрел в будущее, любил праздники и общение. До хрущевских реформ, если в подворье была одна корова, тогда государству бесплатно надо было сдать десять килограммов масла. Лишь весной 1966 года появилось право колхозников на гарантированную оплату труда. Была восстановлена паспортная система. Эксперименты по принятию нового устава колхоза также отрицательно влияли на благосостояние народа. Учителя, работники медпунктов, торговых точек имели право держать одну корову и пять овец, но ни в коем случае коз. Возможно, коммунисты боялись, что народ разбогатеет, ибо закупочная цена пуха была высокой. Если выявляли факты наличия хотя бы одной козы на дворе, тогда штраф был в два раза выше цены самой козы. Мне пришлось платить такой штраф, когда дядя подарил моему сыну всего одного козленка. А ведь по казахскому обычаю он мог и сорок подарить! Такой же обычай был и у соседей – телеутов. Я вспомнил о козленке, чтобы подчеркнуть, что не осталось ни одной сферы жизни, куда бы партия не совала свой нос. Если при Хрущеве было запрещено держать лошадей, то при Брежневе разрешено. В 1963 году урожай в стране остался под снегом и мука закупалась на золото в Канаде. Для контроля использования муки нам запретили ее продажу. Надо было выпекать хлеб и доставлять за пятьдесят-шестьдесят километров до чабанских точек, разбросанных в горах. Транспорта не хватало. Так искусственно был создан голод, а руководители торговых организаций вынуждены были освобождать свои рабочие места. Но уже никто открыто не протестовал».

Долгожданная реабилитация. В Казахстане, в семейном архиве П.С. Мухтасырова бережно хранятся официальные ответы УФСБ РФ по Республике Алтай от 8 июля 1996 г. и Алтайского краевого суда от 13 ноября 1996 г. о реабилитации Мухтасыра Далембаева 1 февраля 1958 г. постановлением Алтайского краевого суда. В этот же день были полностью реабилитированы Султан и Кусан Мухтасыровы. Уголовное дело производством прекращено за отсутствием в их действиях состава преступления. Дела в отношении семьи в разгар Большого террора в 1937 г. были сфабрикованы.

Жизнь продолжается по две стороны границы... По данным Всероссийской переписи населения 2010 г. численность казахов в Республике Алтай составляет 12 524 чел.¹⁰ или 6,2 % от общей численности населения республики¹¹. Казахи составляют 55 % жителей Кош-Агачского района. Имя П.С. Мухтасырова хорошо известно не только землякам и деятелям мировой казахской диаспоры, но и ученым-историкам, этнологам России и Казахстана. Ни одна научная экспедиция в Кош-Агачский район не прошла мимо семьи Мухтасыровых. С благодарностью об этом пишет и биолог-генетик Илья Артемьевич Захаров-Гезехус из

¹⁰ Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года: в 11 т. М., 2013. Т. 11: Сводные итоги. С. 313.

¹¹ Там же. С. 345.

Института общей генетики им. Н.И. Вавилова РАН, который проводил здесь научные исследования в 2005 и 2008 г. «Пионер оказался очень приятным и полезным человеком... Пионер свозил нас и показал местный музей, он находится в соседнем селе. Рядом с музеем – стела, памятник жертвам политических репрессий. Репрессии докатились и сюда, прошли по всей стране, «от Москвы до самых до окраин». Пионер составил список пострадавших в районе; по его просьбе список я передал в Сахаровский центр», – подчеркивает ученый – автор книги «По следам Чингиз-хана. Генетик в центре Азии»¹².

П.С. Мухтасыров был членом общественной организации казахов «Бірлік» («Единство») и принимал в 1996 г. участие в подготовке первого номера газеты «Шүй Нұры» («Чуйские зори») в типографии Баян-Ульгийского аймака Монголии. До сегодняшнего дня общественно-политическая газета на казахском языке издается как приложение к одноименной районной газете.

П.С. Мухтасыров – член редколлегии энциклопедии «Казахи Горного Алтая. Укок. Чуя. Кош-Агач», изданной в Новосибирске в 2007 г. на казахском языке. Он практически со школьных лет, проживая вдали от дома в интернате или у родственников, проявил ранний интерес к истории края и семьи. Более основательно, с 1958 г., по просьбе старожилов он вел записи воспоминаний о жертвах политических репрессий и их шежирах (родословные), связывающие в единое целое генеалогическую традицию с семейными хрониками.

Как председатель Кош-Агачского филиала Алтайского республиканского регионального отделения общероссийского историко-просветительского, правозащитного и благотворительного общества «Мемориал» П.С. Мухтасыров имел доступ к архивным материалам по политическим репрессиям. Именно они стали основой его документальной книги «Бәйтеректің оқшау шыққан бұтағы» («Самостоятельная ветвь мощного дерева Байтерек»), которая увидела свет в 2013 г. в Астане и в 2014 г. – в Алматы в книжной серии «Казахи за рубежом» Всемирной ассоциации казахов. Автор дал краткие посемейные списки на 421 семью казахов – жертв политических репрессий в Кош-Агачском районе.

Причем сведения, изложенные в трех томах издания «Книга памяти жертв политических репрессий в Республике Алтай», дополнены им по архивным материалам и опросам семей репрессированных именами детей и женщин, в т.ч. высланных из края в Казахстан или на север Томской области (Нарым), впервые представлена биографическая информация по родственным связям, указана клановая (родовая) принадлежность репрессированных мужчин, что позволяет заинтересованному читателю найти родственников не только в России, но и в Казахстане, Монголии и Китае. Грамматически верно даны казахские имена и фамилии.

Продолжением этой востребованной книги можно назвать новую рукопись «Ұрпағың үзілмесін» («Пусть твое потомство не прерывается»), которую П.С. Мухтасыров завершил и подготовил к печати. Беседуя с автором, после ознакомления с текстом рукописи, мы еще раз убедились, что родственная связь для казаха особенная составляющая в его семейной жизни. Рассказывая о своих прадедах и дедах, родителях, он выражает свою гордость ими. Как мудрый аксакал, он настраивает потомков, чтобы помнили о негативных событиях истории и сохраняли чувство ответственности перед ней. Верно подмечено и в научной литературе, что внутриродовая солидарность остается базовой ценностью казахов российского Алтая¹³.

Литература

¹² Захаров-Гезехус И.А. По следам Чингиз-хана. Генетик в центре Азии. М.; Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2013 [Электронный ресурс]. URL: http://www.vigg.ru/fileadmin/user_upload/po-sledam-chingiz-hana.pdf (дата обращения: 01.06.2020).

¹³ Октябрьская И.В. Казахи российского Алтая в пространстве диаспоры: традиции и современность // Казахская диаспора Центральной Азии: история – культура – памятники: мат-лы Междунар. науч. конф. Алматы, 2014. С. 40.

Была война... Сборник архивных документов 1941–1945 гг. / гл. ред. А.Н. Гавриков Горно-Алтайск: Комитет по делам архивов Республики Алтай, 2010. 421 с.

Демидов В.А. Переход алтайцев на оседлость. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1968. 103 с.

Захаров-Гезехус И.А. По следам Чингиз-хана. Генетик в центре Азии. М.; Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2013. 84 с. [Электронный ресурс]. URL: http://www.vigg.ru/fileadmin/user_upload/po-sledam-chingiz-hana.pdf (дата обращения: 01.06.2020).

Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года: в 11 т. М.: ИИЦ «Статистика России», 2013. Т. 11: Сводные итоги. 579 с.

Книга памяти жертв политических репрессий в Республике Алтай. Горно-Алтайск: Кн. изд-во «Юч-Сумер», 1996. Т. I. / сост. П.И. Чепкин. 285 с.

Книга памяти жертв политических репрессий в Республике Алтай. Горно-Алтайск: Кн. изд-во «Юч-Сумер», 1998. Т. II. / сост. П.И. Чепкин. 336 с.

Книга памяти жертв политических репрессий в Республике Алтай. Горно-Алтайск: Кн. изд-во «Юч-Сумер», 2003. Т. III. / сост. П.И. Чепкин. 245 с.

Октябрьская И.В. Казахи российского Алтая в пространстве диаспоры: традиции и современность // Казахская диаспора Центральной Азии: история – культура – памятники: материалы междунар. науч. конф. (г. Алматы, 5 декабря 2014 г.). Алматы: Елтаным, 2014. С. 39–43.

References

Chepkin, P.I. (Ed.). (1996). *Kniga pamiati zhertv politicheskikh repressii v Respublike Altai* [The Book of memory of victims of political repressions in the Republic of Altai]. Gorno-Altai, Kn. izd-vo "Iuch-Sumer". Vol. I. 285 p.

Chepkin, P.I. (Ed.). (1998). *Kniga pamiati zhertv politicheskikh repressii v Respublike Altai* [The Book of memory of victims of political repressions in the Republic of Altai]. Gorno-Altai, Kn. izd-vo "Iuch-Sumer". Vol. II. 336 p.

Chepkin, P.I. (Ed.). (2003). *Kniga pamiati zhertv politicheskikh repressii v Respublike Altai* [The Book of memory of victims of political repressions in the Republic of Altai]. Gorno-Altai, Kn. izd-vo "Iuch-Sumer". Vol. III. 245 p.

Demidov, V.A. (1968). *Perekhod altaitsev na osedlost* [Transition of Altaians to settlement]. Barnaul, Altaiskoe kn. izd-vo. 103 p.

Gavrikov, A.N. (Ed.) (2010). *Byla voina... Sbornik arkhivnykh dokumentov 1941–1945 gg.* [There was a War... The collection of archival documents, 1941–1945]. Gorno-Altai, Komitet po delam arkhivov Respubliki Altai. 421 p.

(2013). *Itogi Vserossiiskoi perepisi naseleniia 2010 goda: Svodnye itogi* [Results of the 2010 all-Russian population census. Summary results]. In 11 Vols. Moscow, IITs "Statistika Rossii". Vol. 11. 579 p.

Oktiabrskaiia, I.V. (2014). *Kazakhi rossiiskogo Altaia v prostranstve diaspori: traditsii i sovremennost* [Kazakhs of the Russian Altai in the space of the Diaspora: traditions and modernity]. In *Kazakhskaiia diaspora Tsentralnoi Azii: istoriia – kultura – pamiatniki: Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (g. Almaty, 5 dekabria 2014 g.)*. Almaty, Eltanym, pp. 39–43.

Zakharov-Gezekhus, I.A. (2013). *Po sledam Chingiz-khana. Genetik v tsentre Azii* [In the footsteps of Genghis khan. Geneticist in Central Asia]. Moscow; Izhevsk, Institut kompiuternykh issledovani. 84 p. Available at: URL: http://www.vigg.ru/fileadmin/user_upload/po-sledam-chingiz-hana.pdf (date of access: 01.06.2020).

Статья поступила в редакцию 04.07.2020 г.